

Посвящается Биллу Томасу

КНИГА
ПЕРВАЯ

Один

I

Оно было, когда он проснулся. Вероятно, оно возникло, когда он спал. Мутное пятно перед глазами. Стоя в одиночестве на корме полупустого парома на Кладов, укрытого, к счастью, армированным стеклом от зябкого вечернего бриза с озера, Александер Бруно не мог не замечать теперь уже постоянно застывшее зрение расплывшееся пятно, от которого удаляющийся берег казался размытым. Из-за этого пятна он напрягал зрение, пытаясь скосить взгляд и разглядеть очертания особнячков и пивных садов, полоску песка на старинном пляже и крытые брезентом яхты на причалах. Двумя неделями ранее он прибыл в Берлин, облетев половину земного шара, сам толком не зная зачем: чтобы увернуться от судьбы или ввериться ей.

Он предавался безделью в Шарлоттенбурге, завтракал в тихих кафе, лениво наблюдая, как удлиняются дни, случайно подслушивая английскую речь — чаще, чем хотелось бы, — и спуская последние деньги. Его выходной костюм — смокинг, белая рубашка и брюки со стрелкой — оставался в портпледе, его чемоданчик с комплектом для триктрака был заперт на оба замка. И все это время мутное пятно было где-то внутри головы, ничем не выдавало своего тайного присутствия. И Бруно носил его в себе, даже не догадываясь об этом. Он пронес его через таможню с беззастенчивостью невольного контрабандиста: «Нечего декларировать». И только после того, как он наконец позвонил

по номеру, данному Эдгаром Фальком, и согласился отправиться в дом одного богача в Кладове, когда открыл портплед и смахнул пыль с чемоданчика с триктраком, только проснувшись наутро, он уже не мог игнорировать это мутное пятно. Оно было как старый друг, с которым никогда раньше не встречался, но сразу узнал.

С чего это он так переполошился? А вдруг он умирает?

Плавное скольжение городской электрички по бесконечной череде станций от Вестэнда до Ванзее показалось охваченному внезапным страхом смерти Бруно таким же долгим, как перелет из Сингапура в Берлин. Этот немецкий город, с его граффити на стенах, с многочисленными стройплощадками, лентами парковых зон и торчащих над землей розовых водопроводных труб, гигантским овалом распластался по земле. Берлин неторопливо плелся сквозь время, занимаясь своими делами. В ванзейской электричке высокие девушки в черных легинсах с велосипедами и беспроводными наушниками — в Шарлоттенбурге и Митте такие встречались на каждом шагу — вышли из вагона, и их сменили хмурые прусские бизнесмены и любопытные бабули, возвращавшиеся домой с портфелями и набитыми сумками из супермаркета. На пароме мало что могло разрушить навязчивую иллюзию, будто город был только что завоеван и нарезан на сектора и что его тягостное безмолвие и сумрачность порождены совестливым раскаянием и нищетой, поразившими город не семьдесят лет тому назад, а совсем недавно — примерно когда появились высящиеся повсюду горы шебня.

Когда Бруно позвонил пригласившему его человеку и поинтересовался, как добраться до Кладова, тот посоветовал сесть на вечерний паром через озеро — мол, это незабываемое путешествие. Он посоветовал Бруно глядеть в оба и не пропустить две главные достопримечательности: справа — Страндбад Ванзее, старый пляж, а слева — некую виллу. Как объяснил Бруно консьерж оте-

ля, там проходила Ванзейская конференция, на которой был представлен план «окончательного решения». Разумеется, ища взглядом знаменитую виллу, Бруно понятия не имел, как распознать ее среди множества одинаковых особняков, выстроившихся на западном берегу озера, к тому же все они проваливались в мутную яму, образовавшуюся в центре его поля зрения.

Сколько Бруно уверял себя, будто это пятно — всего лишь внезапно проявившееся помутнение стекловидного тела или досадный признак его невнимания к своему здоровью? Ведь глупо было не связывать это пятно с преследовавшими его в последнее время головными болями — такими, что, когда он шагал от Ванзейского вокзала под горку через парк по направлению к паромному причалу, эта боль вынудила его нащупать во внутреннем кармане смокинга коробочку с парацетамолем, британским вариантом аспирина, на котором он вырос и от которого зависел. Он проглотил пару таблеток, хотя запить их было нечем — кроме переливающейся поверхности озера, никакой воды не было. Он бы согласился с любым дурацким диагнозом, если бы парацетамол мог восстановить нормальное зрение. Если бы окружающий мир, который сейчас представлялся ему в виде бублика с мутным провалом посередине, мог превратиться в кекс. Он поднял руку. Из-за мутного пятна ладонь была размыта, как раньше берег озера. И тут Бруно заметил, что потерял запонку.

— Прошу прощения, — обратился он к высокой девушке в черных легинсах — она ехала с ним в электричке от фешенебельного Митте до конечной станции и села на тот же паром. Девушка вкатила свой велосипед в рамку паромной велопарковки, а сама встала рядом на застекленной корме. Бруно извинился за то, что нагнулся перед ней, и стал шарить пальцами по полу, надеясь, что запонка упала прямо под ноги. Безнадежная попытка — как в том анекдоте про пьяного, который, забредя ночью в переулок и обнаружив, что потерял ключи от

дома, начинает искать связку не где ее выронил, а под фонарем — просто потому, что там светло.

Этот анекдот пришел ему на ум, потому что девушка тоже нагнулась и принялась помогать ему в поисках, даже не зная, что он ищет. В том анекдоте пьяному вызвался помочь полицейский, который подошел и тоже стал искать потерянные ключи под фонарем. Когда пассажирка нагнулась и Бруно рассмотрел ее получше, он понял, что слово «девушка» к ней вряд ли применимо. Ее исчерченное морщинками лицо было одновременно грубоватым и привлекательным. В Берлине многие женщины имели стройную спортивную фигуру и были одеты в полуспортивные костюмы, так что, если судить по внешности, определить их возраст было невозможно.

— *Kontaktlinsen?*¹

— Нет-нет...

В массе своей берлинцы говорили по-английски, и даже те, кто не говорил, могли понять смысл сказанного. Вот в Сингапуре чужие его слуху китайский, малайский и тамильский языки позволяли ему счастливо пребывать в непроницаемом коконе непонимания. Решила ли она, что у него проблемы со зрением, потому что он, точно слепой, шарил по полу?

— *Kuffenlinksen...*² — произнес он наобум, похлопав себя ладонью по манжете рубашки.

Вряд ли это слово что-то значит на каком-либо языке. *Кроме того, я, вероятно, очень скоро умру*, добавил он мысленно, переходя на телепатическую коммуникацию, просто чтобы проверить, слышит ли она его. Но она ничем не выдала, что сумела прочесть его мысли. Ему полегчало. Александер Бруно много лет назад, в начале пубертатного периода, перестал практиковать передачу мыслей на расстоянии. Но все же решил не расслабляться.

¹ Контактные линзы (*нем.*).

² Бруно придумывает немецкое слово «запонки» по образцу английского cufflinks. — *Здесь и далее прим. перев.*

— Англичанин? — предположила пассажирка.

Бруно понравилось, что его приняли за британца. Он был рослый, с высокими скулами, и ему говорили, что он похож на Роджера Мура или на бас-гитариста «Дюран Дюран». Впрочем, она скорее всего имела в виду английский язык.

— Да, — ответил он. — Я уронил ювелирное изделие. Извините, я не знаю, как это сказать по-немецки. Мужское украшение. — С этими словами он продемонстрировал ей оставшуюся запонку, поцарапанную и слегка сплюсненную от частой глажки в гостиничных прачечных. Пусть поглядит.

Бруно знал точно, что секрет его привлекательности — поблекший лоск. Его шея и линия челюсти, которые он недавно рассматривал в зеркале, навели ему мысли об отце, которого он никогда не видел. Кожа на подбородке натягивалась, как когда-то в юности, но только после того, как он слегка выпячивал челюсть и откидывал назад голову — вставая в позу, которую считал типичной для тщеславного мужчины среднего возраста. Он частенько ловил себя на том, что принимал ее.

Но теперь-то он смотрел не в зеркало, а в лицо потенциальной спасительницы его несуществующих контактных линз. Седоватые пряди волос вперемишку с соломенными. Аппетитные губы, обрамленные глубокими складками, — с точки зрения Бруно, весьма выразительными, хотя ее они, скорее всего, огорчали. Два взрослых, давно переживших пору расцвета, но не сдающихся. Ему пришлось скосить взгляд, чтобы хоть как-то ее разглядеть, и от этого он, вероятно, мог показаться ей более застенчивым, чем на самом деле.

— Неважно, — заметил Бруно. — Наверняка я потерял ее в электричке.

Цель флирта была непринужденно достигнута — благодаря упоминанию об электричке. И не имело смысла уточнять, что за электричка. Обоим и так было

ясно. Они приехали сюда в одном поезде и теперь оказались на одном пароме. Хотя тысячи таких же, как она, за последние две недели могли прошагать мимо окна его кафе в Шарлоттенбурге, но конечная станция, куда направлялись они оба, внесла свою крошечную магическую лепту в успех флирта. К тому же оба высокого роста. Этих мелочей было достаточно, чтобы оправдать похоть судьбой.

Бруно не раз представлял себе день, когда он избавится от своего почти патологического внимания к женскому полу. Однако с приближением пятидесятилетнего возраста окно его интереса распахивалось все шире и шире. Женщины, которые оставались для юного Бруно в слепой зоне, внезапно стали пламенеть в его воображении. Это внимание было не чисто эротического свойства. Бруно все еще был способен испытывать желание к женщинам значительно моложе себя, которые — по большей части — никак не реагировали на его страстные взгляды. Но женщины его возраста, чью неизбывную готовность к страстным играм он научился распознавать, в последнее время привлекали его куда сильнее — мощной аурой не то слепого вождения, не то полного безрассудства. Неужели когда-то наступит момент, когда его станут привлекать даже бабушки? Возможно, к этому времени помутнение в глазу обернется полной слепотой, которая дарует ему полную свободу.

Они стояли в неловком молчании.

— Я Александер, — представился он, протянув руку.

Она ее пожала.

— Мэдхен.

Он вновь задался вопросом, на каком языке им продолжать испытывать свою судьбу. На английском или... Но только не на немецком, которого Бруно совсем не знал. На английском или на безъязыком языке, который он предпочитал. Он заговорил медленно и уверенно, но стараясь при этом, чтобы ни у кого из них не создалось ощущения идиотизма происходящего.

— У меня встреча в Кладове. В частном доме. Меня там ждут одного, но хозяин, безусловно, обрадуется, если я приду туда с вами в качестве гости.

— Прошу прощения, — она улыбнулась. — Вы хотите...

— Я надеюсь, вы составите мне компанию, Мэдхен.

— На ужин, *ja*? Простите мой плохой английский.

— Это я должен просить у вас прощения. Я гость в вашей стране. Это не совсем ужин. Это... встреча. — И он приподнял оформленную в виде чемоданчика доску для триктрака. Если она приняла его за портфель с деловыми бумагами, то не совсем ошиблась. Там лежал инвентарь для его бизнеса. — И если вы голодны, что-то поесть нам наверняка предложат. Или сходим поужинаем после.

Я не стану тебя обманывать, пообещал он безмолвно, снова надеясь, что она его услышит. В жизни Бруно довелось встретить очень немногих, кто обладал способностью к телепатии, которую сам он давно отверг. Впрочем, никогда не знаешь...

— Это очень мило, что вы меня попросили, но, думаю, я не смогу.

— Вам будут очень рады.

— Это связано с вашей работой?

— Я профессиональный игрок, — произнес он. — И вы будете моим талисманом.

Настойчивость и уверенность — старые испытанные методы Бруно. Он не позволит помутнению сетчатки заставить себя суетиться.

Она ничего не сказала, но снова улыбнулась, на сей раз смущенно.

— Вы красивая, — продолжал он.

Какая жалость, что на этом пароме нет бара и что этот паром не пересекает океан. Путешествие заканчивалось. Паром обогнул островок и вошел в гавань Кладова. Пассажиры столпились у дверей салона.

— Или я мог бы, — он не хотел упускать свой шанс, — позвонить вам, когда закончу. — Он махнул